

Мадрида Моргунова

**Двадцать два
квадрата для
Синь**

Надежда Моргунова

Двадцать два квадрата для Синь

<https://litres.ru/74119279>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она пришла за голосом. Но голос стал её тюрьмой. Семь лет контракта с крупным лейблом, семь лет слезки, психологических попыток и гениальных уроков, которые лечили старые травмы и наносили новые — ещё глубже.

Её обучали резонировать с болью, чтобы потом продать этот резонанс тому, кто сможет его монетизировать. Но она не смогла молчать. И тогда у неё отняли всё: дом, свободу, любовь и даже надежду на спасение.

Финальный аккорд — отказ любимого человека, пожар, два месяца взаперти и «прощальный подарок» лейбла: двадцать два квадратных метра в Подмосковье. Крошечная студия, в которой нет охраны, прослушки и ежедневных отчётов. Только она, её сломанная психика и голос, который больше никому не принадлежит.

Для тех, кто когда-либо чувствовал, что их жизнь — это чужой проект. Для тех, кто терял всё и начинал с нуля на двадцати двух квадратах. Для тех, кто знает: Синь — это не просто металл. Это

лезвие, которое режет даже тогда, когда кажется, что резать уже нечего.

Надежда Моргунова

Двадцать два

квадрата для Синь

Часть 1. Встреча.

Студия была маленькой, душной, заваленной проводами и пустыми стаканами из-под кофе. Я пришла туда не за любовью. Я пришла за битом. За строчкой, которая ляжет на этот чёртов минус, который он скинул мне ещё в июле. Я тогда думала, что это просто работа. Просто ещё один трек, который никто не услышит.

Он сидел за пультом, спиной ко мне. Худые плечи, наушники на шее, пальцы бегают по фейдерам. Я не видела его лица, но слышала его голос — он что-то мурлыкал под нос, пробовал интонации, и от этого звука у меня внутри что-то странно сжалось. Я подавила это чувство, как привыкла подавлять всё, что могло меня ранить.

— Садись, — бросил он, не оборачиваясь. — Минус готов. Давай текст.

Я села на продавленный диван, достала помятый листок. Он читал мои строки. Молча. Долго. А потом сказал то, что я никогда не забуду:

— Это нечто. В хорошем смысле. Ты сама это написала?

— Сама, — ответила я, и голос дрогнул.

— Тогда давай. Я накидаю первый куплет, ты вступаешь на припеве.

Он включил бит. Тяжёлый, вязкий, как смола. И начал читать. Его рэп был не техничным — он был живым. Он говорил о том, о чём я боялась думать: о потерях, о лжи, о том, как люди предают. Его голос проникал под кожу, как игла, и я вдруг поняла, что больше не могу дышать ровно. Моё творческое сердце, которое я так долго прятала за бетоном обязательств, вдруг забилося так, что я испугалась.

Я вступила на припеве. Мой голос звучал хрипло, неуверенно, но он поднял глаза и посмотрел на меня. Впервые за вечер. И в этом взгляде было что-то, от чего земля ушла из-под ног. Не вопрос. Что-то другое. Как будто он узнал меня. Как будто он тоже почувствовал, что этот трек — не просто работа.

Мы записали его за два часа. Когда я вышла из студии, меня трясло. Я села в метро и проехала свою станцию, потому что не могла перестать прокручивать в голове его голос. Я не заметила, как влюбилась. Это случилось не тогда, когда он смотрел на меня.

Моё творческое сердце, которое я считала мёртвым, просто разорвалось от его слов и собралось заново — уже с ним внутри.

Я не хотела этого. Я не планировала. Но Синь-Хай не спрашивает разрешения. Она просто режет. И в тот вечер

мой скальпель ударил не по врагу. Он ударил по мне самой.

Часть 2. Лабиринт с бабочкой.

Я подписала контракт на семь лет. Семь лет — это вечность для того, кто хочет петь, и мгновение для того, кто хочет тебя сломать.

Мне сказали: «Никакой личной жизни. Ты — инструмент. Твой голос принадлежит нам. Твоё тело — нам. Твои мысли — нам».

Я думала, что это красивая метафора. Оказалось — нет. За мной следили. Проверяли почту, прослушивали звонки, знали, где я была и с кем. Однажды я встретила его в метро — случайно, просто столкнулись на переходе. На следующий день меня вызвали в кабинет и сказали: «Твои случайности мешают работе».

Я не поняла, как они узнали. Потом поняла. И от этого понимания внутри что-то оборвалось. Я перестала чувствовать себя живой. Я стала функцией. Голосовым аппаратом с ногами.

Мой преподаватель по вокалу — назовём его Мастер — был гением. И садистом. Он говорил: «Твоя психика — это твой враг. Мы должны её разобрать, чтобы собрать заново». И он разбирал. Методично, как хирург, но без наркоза. Он ставил меня перед зеркалом и заставлял петь, пока я не начинала ненавидеть своё отражение. Он включал записи моего голоса и требовал найти в них фальшь — не музыкальную, а душевную. «Ты звучишь как мёртвая, — говорил он.

— Дай мне боль. Настоящую. Не эту театральную».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.